

УДК 32.001

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.15>

Современные подходы к пониманию прав человека в западной либеральной мысли: общий обзор

О. В. Захарова

Высшая школа экономики, г. Москва

Аннотация. Анализируются современные подходы к пониманию прав человека как политического феномена в западной либеральной мысли. Традиционно права человека являлись предметом юридической науки и рассматривались, прежде всего, как нормативные установления, выведенные за пределы политического контекста. Однако автор утверждает, что только лишь юридико-позитивистский подход не позволяет в полной мере понять сущность данного феномена и на практике ведет к ряду серьезных обвинений в адрес идеи прав человека, таких как культурный и идеологический империализм. Предлагается рассмотреть права человека с точки зрения тех функций, которые они выполняют в политической реальности. Делается обзор наиболее значимых в западной науке политических теорий прав человека, на основе которого определяется, какие интересы следует относить к числу прав человека и почему.

Ключевые слова: права человека, естественные теории прав человека, политическая концепция прав человека, политическое участие, политические функции прав человека, теория справедливости, право народов, Дж. Роулз.

Для цитирования: Захарова О. В. Современные подходы к пониманию прав человека в западной либеральной мысли: общий обзор // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 15–22. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.15>

Права человека длительное время являлись проблемным предметом для политологии, и до сих пор политические исследования данной темы носят маргинальный статус [6, с. 1046; 8, с. 504]. Такая ситуация обусловлена несколькими причинами.

Традиционно данный феномен изучался в рамках юриспруденции и частично философии. Юридико-либеральный подход базировался на двух основных постулатах: позитивизации, т. е. представлении данного концепта как норм международного права; и универсализации, т. е. его отрыве от политического контекста и природы политических режимов. Такое позиционирование выводило права человека из сферы политики и, соответственно, за пределы предмета политической науки [8, с. 506]. Ситуацию усугубляла и методологическая проблема: попытка философов обосновать универсализм прав человека через их отождествление с естественными правами никак не сочеталась с политологическим позитивизмом [1, с. 73; 7].

Критика юридического позитивизма и кризис международного права привели к тому, что концепция прав человека была пересмотрена и в результате существенно расширена и «политизирована» [8, с. 509].

Права человека как основа прав народов

Первой и наиболее известной теоретической работой, поставившей вопрос о политической природе прав человека, стала знаменитая «Теория справедливости» Дж. Роулза. Права человека не являлись основным предметом его внимания, тем не менее они затрагивались им в контексте темы социальной кооперации. Согласно теории справедливости, для того чтобы общество соответствовало принципам социальной справедливости и кооперации, его члены должны принять определенные нормы для регулирования их поведения, которые, с их точки зрения, были бы приемлемыми и разумными. К числу таких норм Дж. Роулз отнес базовые права человека [11].

Позже в своей статье «Право народов» (The Law of Peoples) [12] Роулз представил уже более систематизированную и разработанную теорию прав человека, которая оказала существенное влияние на современное понимание политической природы данного феномена. В статье он ставит три основных вопроса любой теории прав человека: что считать правами человека (т. е. включать в их перечень); какую роль они играют и чем обосновывается их универсальность (или обязательность), – и отвечает на них.

Для Роулза права человека – это «минимальный стандарт для хорошо организованных политических институтов всех обществ, которые являются членами справедливого политического сообщества народов (*society of peoples*)» [12, с. 57]. Данная категория становится ключевым элементом его концепции справедливости. Он допускает, что в справедливом сообществе народов не все режимы должны быть либеральными. В противном случае это противоречило бы основному принципу либерализма – толерантности, согласно которому любое общество должно уважать религию, философские и моральные доктрины других обществ. Но при таких обстоятельствах, по Роулзу, главным становится вопрос о пределах или границах принимаемой толерантности. Он отвечает на него следующим образом: чтобы быть «принятыми» в качестве членов справедливого международного сообщества, нелиберальные режимы должны отвечать требованиям хорошо организованного общества, т. е. быть мирными и не стремиться к экспансии; иметь правовую систему, которая является легитимной в глазах населения; и уважать базовые права человека [12, с. 37].

При этом Роулз признает, что каждый народ, входящий в справедливое сообщество народов, свободен и независим, имеет право на самозащиту (*the right of self-defence*), а другие народы обязаны уважать независимость друг друга и воздерживаться от интервенции (*a duty of non-intervention*) [12, с. 46].

Однако реализацию данных принципов он ставит в тесную взаимосвязь с обязанностью каждого общества (народа) уважать права человека (*to honor human rights*). Он подчеркивает, что принцип неинтервенции, равно как и право на независимость и самоопределение, применимы лишь в отношении хорошо организованных, демократических (хотя и необязательно либеральных) об-

ществ, соблюдающих права человека. В случаях, когда «серьезные нарушения прав человека являются внутренней чертой общества» [Там же], данные принципы не применяются и не могут быть защитой от принудительного вмешательства в дела такого общества со стороны других членов справедливого сообщества народов. Таким образом, основная политическая роль прав человека, в видении Роулза, состоит в установлении границ внутреннего (т. е. поведения национальных политических институтов) и внешнего суверенитета (т. е. поведения народов – членов справедливого сообщества между собой). Помимо этого, он добавляет, что права человека выполняют роль необходимого условия для легитимности режима и существующего правового порядка и устанавливают «моральные рамки плюрализма», признаваемого сообществом народов [12, с. 59].

Вместе с тем важно отметить, перечень прав человека Роулза существенно отличается от широкого списка прав, закрепленных во Всеобщей декларации 1948 г. К числу прав человека он относит только те, которые обеспечивают учет интересов отдельных членов общества и возможность их представительства при реализации общего блага, в чем, по Роулзу, и выражается справедливый порядок. Среди них он называет право на жизнь и безопасность, право на частную собственность, свободу мысли (до определенной степени), свободу объединения, право на эмиграцию, принцип верховенства права и право на равное участие в политических обсуждениях [12, с. 57–58] (в терминах современной теории это можно сформулировать как право на представительство).

Еще одним важным элементом теории Роулза стало то, что, в отличие от представителей традиционного подхода, он доказывал, что права человека и их универсальность не должны ставиться в зависимость от каких-либо моральных, религиозных или философских доктрин. В этом случае они становятся уязвимыми для критики как производные определенной политической традиции, в частности западной, и могут быть отвергнуты на основе чуждости национальной культуры. Но этого не случится, если права человека рассматривать как стандарты или нормы, которые либеральные и нелиберальные хорошо организованные общества согласовали между собой, исходя из соображений разумности и общей справедливости для цели всеобщего блага [12, с. 57].

Современные политические концепции прав человека

Положения теории Роулза существенно повлияли на формирование современной политической концепции прав человека. Она еще не сложилась в единую, стройную теорию и представляет собой скорее совокупность теоретических разработок различных авторов, которые в чем-то дополняют, а в чем-то конкурируют друг с другом. Тем не менее всех их объединяет стремление уйти вслед за Роулзом от поиска нормативных обоснований данной идеи в морально-философской или религиозной сферах и вместо этого попытаться понять природу прав человека через их политические функции.

Хотя подавляющее большинство теоретиков в данной области вслед за Роулзом признают за правами человека функцию обоснования внешней интервенции [3], далеко не все считают ее ключевой [10, с. 17, 21]. М. Игнатъевф

(М. Ignatieff), например, в первую очередь подчеркивает их стабилизирующую функцию как общей площадки (*common ground*) или дискурса для решения политических конфликтов [10, с. 17]. Он пишет, что, если понимать права человека как исключительно моральные требования, т. е. как некие притязания индивида, принадлежащие ему от природы в силу того, что он человек (как это представлено в европейской традиции естественной теории), тогда права человека превращаются в язык моральной интервенции, морального империализма [10, с. 19]. Но они могут стать менее «империалистичными», добавляет он, «если станут более «политичными», т. е. будут рассматриваться не как язык для прокламации и введения единой непреложной истины, но как дискурс для разрешения конфликта», «как общий набор референтных точек, которые могут помочь сторонам достичь согласия по конфликтному вопросу и примириться» [10, с. 20–21].

Дж. Коэн в первую очередь обращает внимание на функцию прав человека в обеспечении условий политического членства (*membership*), т. е. включенности (*inclusion*) в организованное политическое сообщество [5, с. 197, 199]. Политическое членство (*membership*) Коэн понимает в двух смыслах. В первую очередь он имеет в виду возможности индивида быть участником политических процессов и тем самым реализовывать себя как члена данного политического сообщества. «Центральная идея нормативного определения членства, – пишет он, – в том, что интересы отдельного индивида принимаются во внимание базовыми институтами данного политического сообщества: иными словами, сообщество рассматривает индивида как своего члена, если учитывает его интересы при установлении процесса принятия властных решений и определении содержания таких решений» [5, с. 197].

Вместе с тем он отмечает, что, конечно, не все права человека формируют условия политического членства. Ряд из них, такие как право на жизнь и телесную неприкосновенность, представляют собой выражение требований базового гуманизма (человечности) [5, с. 197]. Но они не являются достаточными условиями для обеспечения общего блага государством для своих граждан (подданных). В связи с этим большую социальную значимость имеют права, обеспечивающие политическое членство. Нарушение прав человека государством он рассматривает как форму социальной эксклюзии, т. е. исключения индивида из сообщества.

С другой стороны, под политическим членством он понимает также членство государства в глобальном, международном сообществе. Он пишет: «Ассоциируя права человека с членством в организованном политическом сообществе, я не имею в виду того, что права человека не могут пониматься как артикулированные условия членства в глобальном сообществе» [5, с. 198]. Таким образом, в этом он придерживается позиции Роулза, который рассматривал права человека как минимальные условия обоснованного права государства на политическое самоопределение [11; 26 с. 14]. Но для ответа на вопрос, почему именно эти требования должны быть признаны условиями международного членства, Роулз обращался к концепции справедливости, тогда как Коэн предлагает более прагматичную идею политического членства: «Приемлемость по-

литического общества для включения в члены международного сообщества определяется по его отношению к индивиду – оно должно уделять внимание общему благу своих членов и обеспечить все необходимое, чтобы люди, находящиеся на территории такого общества и подчиняющиеся его правилам, имели возможность участвовать в политическом управлении» [5, с. 10].

Соответственно, нарушение государством прав человека в терминах политического участия/неучастия рассматривается как политика исключения или разрушения основного условия возможности политической субъектности той или иной группы. Отказывая своим гражданам в определенном наборе прав, например в свободе слова, государство, таким образом, сигнализирует: «Вы не одни из нас, вы не члены нашего политического сообщества...» [5, с. 587].

Концепция Коэна обладает рядом преимуществ в сравнении с другими теориями. Во-первых, в ней раскрывается роль прав человека не только в международных отношениях, но и внутри государства. Во-вторых, вслед за Роулзом Коэн освобождает свою теорию от необходимости философских и религиозных обоснований обязательности прав человека, и в то же время ему удается уйти от того, за что критиковали последнего, в частности от «исключения человека из прав человека»¹ [2, с. 16; 4, с. 31].

На вопрос, что именно включать в перечень прав человека, Коэн придерживается традиций минимализма, присущих всем политическим концепциям прав человека. Однако он критикует «сущностный минимализм» (*substantive minimalism*) Игнатъеффа и в противовес ему предлагает «обоснованный минимализм» (*justificatory minimalism*). Разница в том, что если первый понимал под правами человека лишь требования, обеспечивающие телесную неприкосновенность, то последний к этому перечню добавляет требования, обеспечивающие политическое участие индивидов.

Вместе с тем он не дает некоего фиксированного перечня прав человека. Он пишет: «Права человека нельзя рассматривать как детерминированную и устоявшуюся доктрину, которая должна быть принята или отвергнута» [5]. Дебаты о политическом участии, которые подразумевают обязательно и права человека, неизбежно обращаются и к вопросу природы и функций определенных институтов, в том числе международных. При этом поскольку постоянно возникают новые формы правительства, помимо государства-нации, и меняются уже существующие, то, соответственно, условия политического участия также являются подвижными. Отсюда следует, что фиксированного, неизменного набора прав человека не может быть в принципе. Однако, если исходить из видения прав человека как стандартов определения возможности/невозможности членства в политическом сообществе, то очевидно, что к таким правам должны относиться как минимум права, обеспечивающие политическое участие гражд-

¹ Ставя своей целью развить такую концепцию прав человека, которая могла бы быть признана всеми обществами, Роулз стремился освободить права человека от моральных обоснований и выстраивал “свой” перечень прав человека исключительно на основе политической разумности. При этом идея гуманизма, выражаемая в том, что человек с рождения обладает некими правами в силу своей человеческой природы, была им полностью вытеснена из его теории справедливого общества.

дан в делах управления государства, – например, свободные выборы, свобода слова, право собираться мирно и другие гражданско-политические права.

Права человека в теории коммуникативного действия

Теория Коэна во многом созвучна теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, хотя они и используют разную терминологию. В качестве ключевой функции прав человека немецкий философ видит обеспечение легитимности политической системы, которая согласно его теории тесно связана с правовой формой [9, с. 157–158].

Роль прав человека в легитимации права как формы политической системы он поясняет следующим образом. Любые нормы закона, в том числе конституционные, могут быть изменены в любое время законодателем. Для того чтобы право, несмотря на изменения, оставалось легитимным, оно должно отвечать требованиям прав человека. Для Хабермаса правами человека являются прежде всего правомочия, которые обеспечивают возможности коммуникации и политического участие граждан (в юридической терминологии – политические права), поскольку именно они создают условия для диалога между населением и властью имущими, без которого невозможна легитимность [9, с. 160].

Важным является тезис философа о том, что политические права и классические либеральные права, направленные на защиту негативных свобод (и тем самым обеспечивающие частную автономию индивида), неделимы и тесно взаимосвязаны. С одной стороны, граждане могут быть политически независимы, только если в достаточной мере гарантирована их частная автономия (т. е. гражданские права); с другой стороны, гарантирование частной автономии возможно лишь при соответствующей реализации ими своей публичной автономии как граждан (т. е. реализации политических прав) [9, с. 161].

Таким образом, с точки зрения политической концепции права человека понимаются прежде всего как правомочия, обеспечивающие политическое участие индивидов в организованном политическом сообществе (или коммуникативную свободу) и создающие условия для взаимосвязи между населением и властью, что в совокупности обеспечивает легитимность политической системы. Такое понимание прав человека в сравнении с общепринятым юридическим обладает рядом преимуществ. В первую очередь, это позволяет уйти от проблемного деления прав человека на политические и социально-экономические и тем самым снять конфликт между западным и незападным прочтением прав человека.

Помимо этого, политический подход позволяет более адекватно раскрыть характер взаимоотношений между государством и правами человека. В рамках естественных теорий традиционно эти два института противопоставляются. Права человека рассматриваются как нормы, которые постоянно ставят под вопрос существующий порядок управления, тем самым устанавливая границы государственного суверенитета и обеспечивая подотчетность власти перед населением. Политическая концепция прав человека обращает внимание на более сложный характер взаимоотношений между ними, подчеркивая, что, хотя права человека и ставят власть под вопрос, в то же время они конституируют

ее. Таким образом, они выступают не только ограничителем государственного суверенитета, но и медиатором власти (*power mediator*), структурируя властные отношения между индивидами и политическими институтами, что, на наш взгляд, позволяет лучше понять природу данного феномена.

Список литературы

1. Сунгуров А. Ю. Права человека как предмет политической науки и как междисциплинарная концепция // Полис. Полит. исслед. 2010. № 6. С. 90–105.
2. Baynes K. Discourse ethics and the political conception of human rights // Ethics & Global Politics. 2009. Vol. 2, N 1. P. 1–21.
3. Beitz Ch. R. The Idea of Human Rights. N. Y. : Oxford University Press, 2009. 235 p.
4. Buchanan A. Human Rights, Legitimacy and the Use of Force. Oxford University Press, 2010. 332 p.
5. Cohen J. Minimalism about Human Rights: The Most We Can Hope For? [Electronic resource]. URL: <https://ocw.mit.edu/courses/political-science/17-000j-political-philosophy-global-justice-spring-2003/readings/rdhumanrights.pdf> (mode of access: 15.09.2017).
6. Evans T. International Human Rights Law as Power/Knowledge // Human Rights Quarterly. 2005. Vol. 27, N 3. P. 1046–1068.
7. Gready P. The Politics of Human Rights // Third World Quarterly. 2003. Vol. 24, N 4. P. 745–757.
8. Guilhot N. Limiting Sovereignty or Producing Governmentality? Two Human Rights Regimes in U. S. Political Discourse // Constellations. 2008. Vol. 15, N 4. P. 502–516.
9. Habermas J. Remarks on legitimation through human rights // Philosophy and Social Criticism. 1998. Vol. 24, N 2/3. P. 157–171.
10. Ignatieff M. Human Rights as Politics and Idolatry. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2001. 98 p.
11. Rawls J. A Theory of Justice. Belknap Press, 1999. 560 p.
12. Rawls J. The Law of People. Belknap Press, 1993. 199 p.

Theoretical Approaches to Human Rights in the Contemporary Western Liberal Thought

O. V. Zakharova

Higher School of Economics, Moscow

Abstract. The article analyzes the political nature of human rights. Traditionally this phenomenon was a research object within the discipline of legal science that located it beyond the sphere of politics. The author argues that the legal approach has its limits and doesn't allow for revealing the essence of human rights to the full extent. Such a methodological restriction results in the idea of human rights being accused in cultural and ideological imperialism. To meet such criticism, human rights are suggested to be examined from the perspective of their political functions. Basing on the review of the most significant political theories of human rights, the author infers what interests can be categorized as human rights and why.

Keywords: human rights, natural theories of human rights, political concept of human rights, political participation, political functions of human rights, theory of justice, law of nations, J. Rawls.

For citation: Zakharova O.V. Theoretical Approaches to Human Rights in the Contemporary Western Liberal Thought. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 23, pp. 15–22. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.137> (in Russian)

References

1. Sungurov A.Ju. Prava cheloveka kak predmet politicheskoy nauki i kak mezhdisciplinarnaya koncepcija [Human rights as a subject of political science and as an interdisciplinary concept]. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2010, no. 6, pp. 90-105 (in Russian).
2. Baynes K. Discourse ethics and the political conception of human rights. *Ethics & Global Politics*, 2009, vol. 2, no. 1, pp. 1-21.
3. Beitz Ch.R. The Idea of Human Rights. N. Y., Oxford University Press, 2009, 235 p.
4. Buchanan A. Human Rights, Legitimacy and the Use of Force. Oxford University Press, 2010, 332 p.
5. Cohen J. Minimalism about Human Rights: The Most We Can Hope For? Available at: <https://ocw.mit.edu/courses/political-science/17-000j-political-philosophy-global-justice-spring-2003/readings/rdhumanrights.pdf> (date of access: 15.09.2017).
6. Evans T. International Human Rights Law as Power/Knowledge. *Human Rights Quarterly*, 2005, vol. 27, no. 3, pp. 1046-1068.
7. Gready P. The Politics of Human Rights. *Third World Quarterly*, 2003, vol. 24, no. 4, pp. 745-757.
8. Guilhot N. Limiting Sovereignty or Producing Governmentality? Two Human Rights Regimes in U. S. Political Discourse. *Constellations*, 2008, vol. 15, no 4, pp. 502-516.
9. Habermas J. Remarks on legitimation through human rights. *Philosophy and Social Criticism*, 1998, vol. 24, no. 2/3, pp. 157-171.
10. Ignatieff M. Human Rights as Politics and Idolatry. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2001, 98 p.
11. Rawls J. A Theory of Justice. Belknap Press, 1999, 560 p.
12. Rawls J. The Law of People. Belknap Press, 1993, 199 p.

Захарова Олеся Викторовна

*аспирант, департамент политической науки
Высшая школа экономики
Российская Федерация, 101000, г. Москва,
Кривоколенный пер., 3
тел.: 8(964)1190515
e-mail: zakharovaolesya@yahoo.com*

Zakharova Olesya Viktorovna

*Postgraduate, Department for Political Science
Higher School of Economics
3, Krivokolennyi st., Moscow, 101000, Russian
Federation
tel.: 8(964)1190515
e-mail: zakharovaolesya@yahoo.com*

Дата поступления: 07.09.2017

Received: September, 7, 2017